

Ольга Колпакова

ПОЧЕМУ РАССЕРДИЛАСЬ КИКИМОРА

Ольга Колпакова

Почему рассердилась кикимора?

Пре-пресс бюро «Генри Пушель»

2016

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колпакова О. В.

Почему рассердилась кикимора? / О. В. Колпакова — Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2016

ISBN 978-5-905672-31-6

Почему рассердилась Кикимора? Дома все кувырком? Значит вы рассердили кикимору. Как все исправить – познавательное путешествие в историю русской избы. Это весьма необычное произведение, в основе которого серьёзный этнографический материал. Автор рассказывает о древнейших русских и славянских традициях, связанных с домом, с избой. Удивительно, что эта глубокая старина выжила, прошла и через материализм, и через православие, и через жилищный вопрос, который нас, как известно, испортил, и самым удивительным образом сумела вобрать в себя на этом пути мечты и чаяния народа. Огромное количество примет и обычаев, которых мы придерживаемся до сих пор – они оттуда, из тысячелетней давности. Автор попыталась объяснить, как они возникли и почему сохранились. А уж следовать им или нет, передавать их дальше или нет – каждый решит сам. «Заметным достоинством произведения Колпаковой является сплетение яркого сюжетного с объемным познавательным, с философским в целом, неотделимое. «Изба не позволит себе ни единой безделицы – каждая мелочь в ней имеет глубокую традицию, помнит, зачем она: ничего для бахвальства, для «просто так». Любая деталь тут имеет смысл не только как строительный элемент, но и как часть Вселенной» (Татьяна Корниенко, писатель, педагог, психолог)

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-905672-31-6

© Колпакова О. В., 2016
© Пре-пресс бюро «Генри
Пушель», 2016

Содержание

Вступление	7
Глава 1. Прабабушка наших квартир	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ольга Колпакова

Почему рассердилась кикимора?

© О. В. Колпакова, текст, 2016

© М. Филиппова, иллюстрации, 2016

© Генри Пушель, издание, 2016

* * *

Вступление

Взрослые очень отличаются от детей. Они, например, никак не могут понять, что в комнате совершенно не обязательно делать уборку. Тратить столько времени на стирание пыли и перекладывание вещей с места на место! Разве в этом смысл жизни? Кому мешают носки на подоконнике? Лежат себе, на солнышке греются, никого не трогают. А пыль под кроватью – так её даже не видно! И потом, взрослые почему-то уверены, что в доме нельзя свистеть и кричать, забираться с ногами на стол и спать в ботинках. Откуда только они понабрались этих глупостей? И неужели дети, став взрослыми, начнут думать так же? Что, мол, самое главное – «построить дом, посадить дерево и вырастить сына», а не в том, чтобы лежать на берегу моря с планшетником.

Примерно так ныли мои дети в дни генеральных уборок. Однако чистую квартиру любили все, и первые полдня старались возвращать вещи на свои места. Так продолжалось до нынешней весны. А потом началось странное.

Сначала затрещали и поползли вниз обои. Вернувшись с работы, мы с мужем старательно подклеивали их, сваливая на усадку дома и наши кривые руки. Но на следующий день обои сползли ещё ниже. Стала биться посуда, падая со стола по одной, только ей известной причине. Отваливались ручки у дверей. Заклинивало замки. Потёк унитаз. Падали с полок книги. Я пыталась восстановить порядок. Муж старался ничего не замечать. Тихон и Младшая сидели на диване, прижимая к груди самое ценное: Тихон – альбом, Младшая – флейту. Тётушка, примчавшись по первому зову, вооружилась фотоаппаратом и бесстрастно фиксировала поэтапное разрушение нашей квартиры.

Затем тётушка привела священника. Силы святой воды хватило на сутки. Следом явилась дама с рамочкой и, покрутившись по квартире, показала, как переставить мебель. Перетащили, обломив у дивана ножку. Не помогло. Ребята из «Аномалии», посмотрев тётушкины снимки, обрадовались, заставили квартиру приборами, а заодно посмеялись над нашей фамилией. Федорины – это действительно смешно. Увы, бесстрастная техника не могла обнаружить источник наших бед и предсказать, где в следующий раз «рванёт». Дорогие приборы стали ломаться, и наблюдение пришлось свернуть.

– Домовому не угодили? – выдвинула новую версию тётушка.

В чём я не сомневалась, так это в том, что домового в нашей квартире не было и быть не могло. Какой в квартире домовый: мы под полом никого не хоронили – двенадцатый этаж! И печки с голбцом у нас нет, и колдунов в роду не водилось. Перелопатив кучу сайтов, я отмела не только варианты про домового, но также версии об инопланетянах, тестирующих психические возможности людей; наводящих порчу соседях; сложной геомагнитной зоне; влиянии метро, проходящего под и высоковольтной линии, проходящей над нами; гибели в этом месте прежних хозяев.

Мы, конечно, поддерживали друг друга и к явлениям, день за днём разрушавшим наше жильё, старались относиться с юмором, но, что говорить, всё это раздражало.

Муж, работающий в основном дома, начинал потихоньку мрачнеть: трудно сосредоточиться над программой, когда грязный носок, незадолго до этого закрытый в стиральной машине, летит в монитор, а манная крупа сама рассыпается по клавиатуре.

Маячил ужас обмена.

Решив разогнать тоску, я отправилась посидеть в кафе со старой приятельницей – доктором.

– Понаблюдай за детьми, – неожиданно предложила она. – В мозгу у растущего организма такие перемены происходят... может, освобождаются какие-то психические энергии, которые надо поймать и направить в нужное русло.

Она забрала Тихона с Младшей, сделала им энцефалограмму и томографию, сводила на анализ крови, но отклонений не обнаружила.

Ухватившись за докторскую мысль, тётушка принялась копать в этом направлении. Оказалось, не зря: неприятности начинались, когда дети находились дома или где-то поблизости – и не спали. Никакие разговоры по душам не помогли выявить связь между детьми и странным поведением вещей: напрасно пробовали они мысленно приказывать книгам падать, а тарелкам летать – не сработало.

Тётушка побывала в нескольких этнографических музеях, неделю просидела в библиотеке, а в конце мая велела собираться в дорогу. Дети обрадовались, тем более тётушка загадочно объявила, что это не увеселительная прогулка, а путешествие к истокам. С тётушкой интересно было ехать куда угодно – хоть к истокам, хоть по грибы: она у нас ходячая энциклопедия.

– Цель экспедиции? – допытывалась Младшая, обшаривая квартиру в поисках спальников (они оказались внутри пианино, на котором уже пару месяцев никто не играл – было не до музыки). Палатку она так и не нашла.

– Попробуем разобраться, что за существо такое – дом, – ответила тётушка, набивая мешок тряпочками, соломинами, шерстью, разноцветными нитками. – Может, поймём, почему вещи взбунтовались.

Так в начале июня мы двинулись в сторону дома, у которого покойный мой дед посадил яблоню. Было это в год моего рождения. Деда нет, и меня там давным-давно нет, нет и яблони между банькой и колодцем. А дом, построенный его руками, – стоит. Путь неблизкий – пара тысяч километров.

Уложив вещи, присели на дорожку. Старый этот обычай мы всегда соблюдаем перед дальней дорогой: сосредоточился, подумал, не забыл ли чего, – для этого и нужна после суеты сборов минута тишины. Тётушка объясняет иначе:

– За порогом чужой мир, злыдни стоят, скопились. Донесли до них слухи, что отправляетесь в путь-дорогу, покидаете своё защищённое пространство. Стоят злыдни, руки потирают. А мы их обманем. Сядем, сделаем вид, что никуда не собираемся. Они и уйдут искать себе другую жертву.

По профессии тётушка – руководитель народного хора. По призванию... реконструктор, что ли. Реконструирует народные праздники и обычаи. Она наш главный источник по истории всего.

– Теперь надо мысленно попросить домового, чтобы не обижался, остался за квартирой присмотреть. – Тётушка встаёт и крестится.

Мы подходим к двери. Напоследок в коридоре обрывается полка с обувью.

– Надеюсь, это последняя строка нашего «Федорина горя», – вздыхаю я.

Глава 1. Прабабушка наших квартир

Охотники за йети говорят, что даже у этого полуфантастического существа есть хижина. Но она больше похожа на берлогу, чем на дом. Может, поэтому до сих пор никто и не смог обнаружить снежного человека – он ближе к природе, чем к людям. А вот если бы у него был настоящий дом...

Сделанный руками человека, дом отделил людей от космоса, от природы и в то же время сам стал частью Вселенной, но частью упорядоченной, не враждебной.

Названия строений для жилья весьма многочисленны. Но все они в итоге означают одно и то же. *Хата* – это землянка (слово пришло из сарматских и скифских языков, где «кат» означало «копать»). Но хата выбралась из земли, и так стали называть избу в южных губерниях.

Хижина пришла из древнегерманских языков («хус» – «дом»). На Руси хижинкой, хизой называли ветхую, плохую избу. Непрочную постройку называли также лачугой (от тюркского «олачуга»).

Хоромы, хоромина, храмина и храм – общеславянские слова. «Хором» – крыша, дом, защита. Хоромами называли большой дом с несколькими комнатами или дом с хозяйственными пристройками, где всё под одной крышей. А если дом маленький – хороминка. Торжественным «храм» называют дом для богослужений.

Терем – всё то же «жилище» (только греческого происхождения). Теремом в России называли верхний этаж в доме или дом на высоком подклете. В хоромах мог быть терем.

Палаты – здание каменное, дворец. *Дворец* от слова «двор», которое, в свою очередь, родня слову «вор», что значит... «ворота» или «дверь».

А вот *дом*... Этим словом славяне с древнейших времен называли постройки. Но какие? Иногда я считаю этимологический словарь самой бесполезной книгой на свете: кроме того, что *дом* связан со словом «строение», он ничего не желает мне объяснять! Приходится скрести по сусекам. Оказалось, домом, домовиной в некоторых областях России называли место для потусторонней жизни, т. е. могилу, гроб. «В Воронежской губернии, – пишет Александр Афанасьев, – простолюдины не говорят: иду домой, а говорят: иду ко двору; «идти домой», по их мнению, равносильно выражению «идти в могилу»¹. Что ж, всё сходится: «хоромы» и «хоронить» тоже родня. Дом – место для жизни – это и место для смерти. Последнее значение совершенно исчезло из нашего языка, видимо, вместе с традицией строить дома на том же месте, где захоронены предки, или хоронить предков под крыльцом дома, в котором они жили. Домом стали называть постройки в городе или избу со всеми пристроями.

*Дом – строение*². Но вот поставили в нём тёплую печку-истопку – и появилась *истьба*, или *изба*. Скажем: *русская изба* – и возникает образ деревянного, крепкого и тёплого, дома. Пожалуй, каждый живущий в России представляет, что такое русская изба. У кого-то бабушки и дедушки живут в деревне, кто-то и сам деревенский. Один видел избы из вагона поезда, другой – в этнографическом музее. И наконец, на сотнях известных полотен запечатлена русская изба. А кому не довелось побывать в крестьянском доме, узнаёт о его устройстве из сказок, колыбельных и потешек. На курьих ножках – не дворец, не хижина, не коттедж, а только изба. «В лесочке, лесочке избушка на кочке. Блинами покрыта, оладьями подбита». Или: «Изба пирогом подпёрта, блином покрыта». Это я своим детям пела. Почему пирогами, блинами и оладьями – тоже ещё надо разобраться. Пока же главное, что ни про какую дачу так не споют – только про избушку.

¹ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. Огонь // Славянская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. С. 515.

² Дом – общеславянское слово индоевропейского характера. В некоторых языках «дом» означает также и семью.

Тётушка старательно вспоминает народные присказки и песенки, где упоминается изба:

– Ножки, ножки,
Куда вы бежите?
– В лесок по мошок,
Избушку мшить,
Чтоб не холодно жить

– так приговаривают, когда ребёнок учится ходить.

Бай-бай! Бай-бай!
Сон идёт по очепу,
А Дрёма по лучкам,
По самым краешкам

– это байка, колыбельная.

Сон и Дрёму ещё можно представить, а как выглядит сказочный очеп? Но слово услышали и запомнили – может, даже и своим внукам споём.

Многие вещи современной квартиры ведут свою историю из деревенского дома. Да и современный горожанин тоже. Многоэтажный дом появился в городе не так давно – ещё каких-нибудь сто лет назад наши самые крупные мегаполисы были застроены такими же, как в деревне, домами.

Поэтому к истокам – это в деревню и никуда больше.

Мы выезжаем на трассу. Ещё какое-то время небоскрёбы глядят на нас зеркальными окнами, потом их сменяют коттеджи из красного кирпича, и только затем – настоящие крестьянские дома.

Тётушка обращает наше внимание на то, что у крестьянских домов разный характер. Одни смотрят насупившись, другие с достоинством, третьи красуются-улыбаются. Но нет среди них таких, которые бы кричали: мой хозяин самый богатый, я лучше всех! У крестьянского дома не просто характер, у него есть ещё и достоинство. Изба не позволит себе ни единой безделицы – каждая мелочь в ней имеет глубокую традицию, помнит, зачем она: ничего для бахвальства, для «просто так». Любая деталь тут имеет смысл не только как строительный элемент, но и как часть Вселенной. Зная это, с грустью начинаешь смотреть на «вселенные», наскоро сложенные из красного кирпича, – такие они убогие, несмотря на размеры, наличие башенок и статуи львов у крыльца. Да и многоэтажка напоминает скорее не Вселенную, а камеру хранения на вокзале.

– Если бы наш прапра... мам, кого ты там самого древнего из наших предков знаешь? – спрашивает Младшая. За свою школьную жизнь она уже дважды писала сочинение на тему «Моя семья», но имена предков так и не запомнила. Да и я, начав заниматься родословной, не смогла заглянуть дальше пятого колена.

– Анисий. Это он в конце XIX века, году примерно в 1895-м, запряг волов в большую телегу и – цоб-цобе – двинулся из-под Киева на Алтай. Без всяких реформ, сам по себе.

– Зачем уехал? Так бы мы сейчас в Киеве жили, – вздохнула Младшая, забыв, что хотела сказать.

Тихон молча ведёт машину. А я думаю про прапрадеда. Это как же трудно было жить, что продали, а то и оставили родне свои дома, сложили на повозки вещи и отправились в дорогу,

в волшебную страну Сибирь, где вволю и земли, и леса. Из монастыря забрал Анисим свою слепую сестру. Звали её Просвирья, но никто не знает, настоящее это имя или прозвище – за то, что пекла просвирки для церкви. Просвирья взяла с собой сундук. А в нём двадцать икон – всё её богатство.

– Наверное, они и здесь проезжали, – глядя в окно, сказала Младшая.

Может, и проезжали. Три года до места добирались. С началом весны трогались, а как заморозки ударят, останавливались в какой-нибудь деревне, нанимались на зиму в работники. Волы не подкованы, по скользкой дороге не пойдут.

– Да ты что, Прасковья, сказать-то хотела? – вспоминает тётушка.

Младшая едва заметно морщится: она не любит своё имя. Может, зря я такой обет давала, прося у Бога девочку: дать дочери имя двоюродной прапрабабки. Икона, к которой я обращалась, – последняя сохранившаяся в семье из привезённых бабушкой Просвирьей. Ну, Просвирьей-то и у меня язык не повернулся дочку назвать. Имя Прасковья на детской площадке никто выговорить не мог. Тогда примчалась на помощь тётушка, рассказала, что святая Параскева Пятница в древности звалась Макошью и в садике младшая может представляться Машей. Но год рождения Прасковьи оказался урожайным на Маш, и девочка испугалась, что будет путать себя с пятью другими Машами. Я, огорчившись, что дочь не хочет быть Параскевой, звала её просто Младшей, сокращая иногда до Млады. Но мысленно всегда называла настоящим, полным именем.

– Я просто подумала, что если бы дед Анисим попал в нашу современную квартиру, то сильно бы удивился. Если ты, мама, до сих пор не умеешь с телефона эсмэски отправлять, то он бы точно обалдел: столько техники в доме!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.